Л.Н.Точилина

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОМИЛЕТИКИ. (ОПЫТ ВНУТРИЖАНРОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ)

Предметом данного исследования являются памятники дидактического красноречия Древней Руси, их композиционные и жанровые особенности.

Два направления, два жанра ораторской прозы — торжественное красноречие и красноречие учительное — существовали и развивались параллельно, каждый в рамках, определяемых для него средневековым этикетом[1], но в то же время не без взаимного влияния и взаимного обогащения.

Общепринятой в современной медиевистике является точка зрения, что из двух функций древнерусской и южнославянской ораторской прозы — художественности и дидактичности, первую несли, в основном, памятники эпидейктические, вторую выполняли памятники учительные[2].

Тогда как изучению торжественного красноречия был посвящен целый ряд серьезных работ[3], дидактические произведения до совсем недавних пор считались неперспективным материалом для исследования. Такой подход был обусловлен распространенным мнением о безыскусственности и простоте как принципах при составлении подобного рода поучений[4].

Произведения, выбранные для анализа, ограничены, с одной стороны, рамками макрожанровой структуры, каковой является тип четьего сборника (в данном случае "Златоуста"), и с другой — тематико-функциональным единством (сочинения входят в известный великопостный цикл гомилий).

Таким образом, в настоящей работе поставлены следующие задачи:

– выявить возможности внутрижанровой дифференциации дидактических гомилий в рамках отдельно взятого календарноприуроченного цикла;
– рассмотреть в этом аспекте проблему авторства и происхождения древнейшего литературного ядра древнерусских Златоустов;
– попытаться определить художественные возможности рассматриваемых памятников учительного красноречия.

Для исследования композиционно-стилистических особенностей дидактических произведений в данной работе выбран метод струк-

турного анализа. В течение последнего ряда лет этот метод интенсивно используется при работе с литературными произведениями самых разных жанров. "Принципы структурного анализа используют многие русские и славянские ученые в современном изучении общего наследства"[5].

Четий сборник "Златоуст", известный в Древней Руси с XV—XVII вв., почти целиком состоял из произведений древнерусской и переводной дидактической прозы. "Златоуст" характеризуется как "сборник устойчивого состава, один из сборников Уставных чтений, приуроченных к определенным дням триодного цикла"[6].

Древнейшее литературное ядро сборника составляла девятичленная группа поучений на воскресные дни великопостного цикла и приготовительных к посту недель (с недели мытаря и фарисея по 5-ю неделю поста). Группа впервые была выделена профессором А.В.Горским[7], ее изучению немало внимания уделяли русские и болгарские исследователи прошлого века, современные медиевисты, но проблемы атрибуции произведений остались нерешенными до сих пор.

Большинство современных исследователей придерживается точки зрения ученого В.П.Виноградова[8] о том, что девятичленная группа делится на три разновременно вошедшие в нее части:

1) В основе лежит шестичленная группа,— с недели мясопустной по 4-ю неделю поста, связанная "психологически-идейной связью и единством приемов изложения", принадлежащая одному (вероятно, болгарскому) автору.

   Добавочными и позднейшими звеньями в ней являются

2) поучение на неделю мытаря и фарисея;
3) два поучения — на неделю блудного сына и на 5-ю неделю поста.

Отметим здесь, что В.П.Виноградов считал вероятной принадлежность трех произведений перу одного автора[9].

В настоящее время шестичленная группа, выделенная профессором Виноградовым, с той или иной долей уверенности атрибутируется болгарскому писателю и проповеднику IX в. Клименту Охридскому[10]; три поучения считаются русскими сочинениями[11].

Нам представляется, что эти проблемы — выявление художественной и внутрижанровой специфики памятников дидактического красноречия (в частности второго и третьего звена девятичленной группы, лежащей в основе древнерусского сборника "Златоуст") и атрибуция этой группы — неразрывно связаны и решение одной может помочь ответить на вопросы, поставленные другой.

Итак, рассмотрим дидактические произведения на двух уровнях: уровне композиции и уровне архитектоники, предварительно представив дифференциацию этих достаточно близких в литературоведении понятий следующим образом:

Композиция понимается в настоящей работе как расположение и соотнесенность компонентов художественной формы, то есть построение произведения, обусловленное его содержанием и жанром[12];

понятие архитекторники в современном литературоведении "включается в более широкое понятие композиции"[13];

основной композиционной единицей учительного слова будем считать законченный смысловой фрагмент текста[14];

основной единицей уровня архитектоники будем считать смысловую фигуру[15].

Таким образом, текст каждой гомилии предстает разделенным на смысловые отрезки различного объема и качества.

Отметим, что в жанровых обозначениях дидактических гомилий нет установленного единства. В сборниках сочинения, выбранные для исследования, чаще всего надписываются как "слово", реже — "поучение". В качестве рабочих терминов (до заключительных выводов этой статьи) будут использоваться оба обозначения.

Нумерация произведений дана по порядку, занимаемому ими в девятичленной группе поучений, т.е.:

"Слово в неделю о мытаре и фарисее" — Слово № 1.

"Слово в неделю о блудном сыне" — Слово № 2.

"Слово в неделю пятую поста" — Слово № 9.

Итак, прежде чем приступить к рассмотрению композиционно-стилистических особенностей поучений, уточним те общие признаки, исходя из которых сочинения можно характеризовать как однородную по жанровому составу группу:

1. Календарная приуроченность к великопостному циклу, определяющая тематику произведений. (Все три сочинения также являются поучениями на евангельское чтение дня).

2. В основе двух поучений (№ 1 и № 2) лежат хорошо известные средневековому читателю евангельские притчи[16]. Поучение № 9 строится на материале новозаветного рассказа о сынах Зеведеевых[17].

3. Все рассматриваемые сочинения несомненно относятся ко второму поджанру ораторской прозы — учительному красноречию (первый поджанр — торжественное красноречие), и занимает в этом поджанре шестую, последнюю ступень: "нравоучительные и нравообличительные поучения и беседы на этические темы"[18].

Итак, рассмотрим строение "Слова в неделю о мытаре и фарисее" (№ 1). Поучение имеет отчетливую пятичастную композицию, предварительную схему которой можно представить следующим образом:

I. Вступление;
II. Первое толкование притчи;
III. Второе толкование притчи;
IV. Третье толкование притчи;
V. Заключение.

При этом вторая, третья и четвертая части композиции построены по одному сюжетообразующему принципу:

1. Фарисей. Толкование или пояснение образа. Осуждение его.
2. Мытарь. Пояснение образа. Поощрение.

Здесь же отметим, что традиционная для дидактических произведений смысловая оппозиция "грех — добродетель" в данном поучении строится на образах мытаря и фарисея с дальнейшим наращиванием лексических параллелей в каждой части композиции:

I часть

грех	добродетель
фарисей	мытарь

II часть

сердце	душа
правда (высокоумие) и грех	правда и грех (смирение)
плоть	душа
несытость	пост
величание	смиренномудрие
блуд	душевная чистота

III часть

гордость	смирение
величание	неотчаяние

IV часть

фарисей	мытарь

Рассмотрим теперь, какими же образными средствами пользуется автор для решения своей задачи.

Обычный Призыв-Обращение во вступлении сменяется напоминанием первых строк притчи,— и в дальнейшем автор уже не возвращается к точному цитированию евангельского текста (очевидно, как хорошо известного).

Отметим эту черту как одну из возможных примет авторского стиля. Завершается первая часть вступления авторской сентенцией,— выводом, подытоживанием сказанного. В данном случае сентенцией оформляется изложение идеи о "двоемыслии" человека, свободе его в выборе. Авторская сентенция в дидактических гомилиях обычно подкрепляется библейской цитатой или примером.

Во второй части композиционной схемы автор при толковании притчи прибегает к распространенной метафоре, где образы смиренного мытаря и гордеца-фарисея поясняются как образы сердца и

души (см. выше). Метафорическое пояснение доминантных образов также завершается сентенцией, после чего следует небольшое отступление, заканчивающее мысль автора о разделении, двойственности человеческой сути, заявленную им в первой части композиции.

В следующей, центральной части поучения — и самой яркой его части — дается второе толкование притчи. Здесь мысль автора находит свое сильнейшее образное решение в аллегории о двух конниках.

Заметим, что аллегория, признававшаяся античными риториками фигурой не столько риторической, сколько поэтической, встречается в произведениях дидактического жанра достаточно редко. В этой части композиции автор также максимально использует и средства стилистической окраски: тирада ритмически организована, построена на антитезе, лексическом и синтаксическом параллелизме. Приведем эту тираду полностью в сопоставлении ее частей:

Два коньника быста мытарь и фарисеи;

1) Спряже фарисеи два коня, да постигнеть жизнь вечную:	2) спряже и мытарь два коня:
един конь добродетель и молитву, а другий конь гордость и величание и осужение;	един конь злая дела и грабление и нечистота и несытость, а другий конь укоризна и смирение, и неотчаяние;
запя гордость добродетели, и разбися законьная колесница,	
и погыбе самомнивый всадник; никто же бо о себе честь приемлет, но званые от Бога;	и спасе всадника смереная надежа; единем бо словом мытарь обрете оправдание, рек: Боже, оцести мя грешнаго и помилуй мя!
рече бо апостол Павел: не хвалися, седя на ветви, не ты бо корень носиши, но корень тебе.	Добре рече пророк: близ есть Господь всем призывающим его истиною[19].

Четвертая часть композиции переводит повествование из иносказательного плана в прямой (пересказ притчи), представляя собой некий общий вывод, развернутую сентенцию, в которой автор, следуя сюжетному принципу построению частей, осуждает фарисея и восхваляет смиренного мытаря. В этой же части автор замыкает кольцевую семантику композиции возвращением к мысли о душе и сердце, покаянии и умилении, заканчивая ее ключевой фразой:

"Боже, милостив буди мне,
Боже, оцести мя грешнаго и помилуй мя".

Последняя заключительная часть представляет собой Призыв-Обращение, подкрепленный рядом цитат-примеров. Мастерское использование приемов парономазии и лексической градации позволяет сравнить заключение "Слова в неделю о мытаре и фарисее" со звучанием органного аккорда:

велико бо добро **ссмерение**,
имже сам Христос **смерися** и спасе ны,
и всех учит **смере**номыслити, глаголя:
научитеся от Мене, яко кроток есмь,
и **смерен** сердцем, и:
яко всяк возносяися **смерится** и:
смеряяся вознесется, и: ...
...яко Господь гордым противится,
а **смереным** дает благодать
Богу нашему слава в веки[20].

Схема Слова № 1.
Слово в неделю о мытаре и фарисее

Смысловые фигуры, части композиции	Стилистические средства
Вступление — 1 часть	
1. Призыв-Обращение	1. Аллитерация
2. Предварительное изложение притчи	
3. Сентенция — цитата (предварительное изложение идеи)	
Первое толкование притчи — II часть (метафорическая перифраза)	
1. Толкование	1. Синтаксический параллелизм
2. Пример (Цитата)	
3. Толкование — Сентенция	
4. Толкование — Сентенция. Эпифонема.	
5. Отступление	5. Антитеза, глагольная градация
Второе толкование притчи — III часть Аллегория — (парабола)	
1. Толкование — Сентенция (пример)	Ритмический отрывок - изоколон, антитеза
2. Толкование — Сентенция (пример)	

Прямой пересказ притчи — IV часть
(возвращение к началу)

1. Толкование — 1. Морфологическая рифма
2. Толкование

Заключение — V часть

Призыв-Обращение, подкрепленный рядом цитат-примеров (Ц-Ц-Ц-Ц-) - Конечная формула — Парономазия

Два других поучения группы представляют, как было отмечено выше, самостоятельное звено ("Слово в неделю о блудном сыне" и "Слово в неделю пятую поста"). В.П.Виноградов указал источник, которым несомненно пользовался составитель поучений[21]. Это Благовестник или Толковое Евангелие Феофилакта, болгарского епископа и писателя второй половины XI-го — начала XII в. Хорошо известна популярность этого сборника в болгарской и русской письменности[22], поэтому неудивительно, что и в данной группе дидактических проповедей оказались сочинения, составленные на его основе.

Прежде всего отметим, что композиции двух рассматриваемых произведений сходны между собой и резко отличаются от композиции Слова № 1, в первую очередь, самим принципом построения, способом организации текста.

В то время как автор Слова № 1 использует амплификационный способ построения (мысль, заявленная в 1-й части композиции, получает дальнейшее развитие в каждой последующей), составитель поучений № 2 и № 9 соблюдает сюжетную последовательность в изложении евангельского события и строит его следующим образом:

1) стих притчи по порядку;
2) истолкование его;
3) авторское отношение, оценка;
4) цитата-пример, подтверждающая авторскую оценку.

Нетрудно заметить, что подобная композиция в первых двух пунктах прямо продиктована строением катен Толкового Евангелия, а два последующих заимствованы, очевидно, из общего композиционного арсенала гомилетики. Проиллюстрируем эту мысль примером, а также проследим степень концептуальной и текстуальной зависимости поучения от текста Благовестника.

При сопоставлении текстов рассматриваемых бесед с Толковым Евангелием Феофилакта выясняется следующее: текст "Слова в неделю о блудном сыне" в целом следует первоначальному тексту катен Евангелия, но автором его был "несколько наивно-простодушный компилятор". На это указывает и ряд "темных" мест в "Словаре"[23]. Так, цитируя слова старшего сына, обиженного вниманием отца к младшему сыну-грешнику: "Что же, рече, мне ни козлища дал еси, да с други моими взвеселился бых?", автор вне всякой связи, но

вполне в согласии с принципами построения текста, выбирает из Благовестника следующее замечание: "Козлище суть грешници, иже гонят праведников и не попущает Бог зле погибнути им, да обовеселятся о них; козлищ бе Саул, иже гоняше Давида; Илию же Ахав, иже искаша пророка"[24]. Заметим, что в Благовестнике эти строки включаются в длинное отступление, в контексте которого раскрываются в полном смысле и объеме.

В целом же в Толковом Евангелии Феофилакта "притча фарисеи ради составлена, наказующу Господу не завидети о приимами грешных, аще и сами праведни суть"[25], т.е. "адресована" старшему сыну. В нашей же беседе акцент насколько возможно смещен в сторону младшего, за счет чего вся беседа в целом приведена к идее покаяния, что соответствует тематике Великопостного цикла.

Обратимся к Слову № 9. В центральной своей части оно дословно следует толкованию Феофилакта на евангельские стихи об Иакове и Иоанне Зеведеевых, сохраняя композицию толкования. К тематике же великопостного цикла Слово приведено за счет вступления, лексически связанного со вступлениями большинства поучений всей группы:

("Понеже убо по мале пост сии сконьчатися хощет
и по мале дни господни страсти приходят...")[26],

и заключения, содержащих традиционные для дидактических поучений и уже знакомые здесь по слову № 1 смысловые фигуры: Призыв-Обращение, риторический вопрос, восклицание и т.д.

Рассмотрим теперь степень вероятности атрибуции этих трех сочинений одному автору.

1. Слова № 2 и № 9 объединяет весьма важный фактор — источник их составления, хотя способы оформления поучений и введения их в великопостный цикл различны. У Слова № 2 отсутствуют вступление и заключение (они очень кратки и не вычленяются как части композиции), характерные для дидактических гомилий и также всей девятичленной группы. В великопостный цикл Слово введено за счет смены концепции Толкования Феофилакта. Кроме этого, ученый выделяет еще группу поучений, также составленных на основе Благовестника[27]. И здесь можно либо согласиться с выводами исследователя о том, что ряд этих сочинений был составлен одним лицом, либо выделить в рамках макрожанра поджанр дидактического сочинения — беседу.
2. Слова № 1 и № 2 представляется весьма сложным атрибутировать одному автору, т.к. нельзя согласиться с тем, "что и по литературному вкусу и по построению поучение "на неделю мытаря и фарисея совершенно родственно поучениям на неделю блудного сына и пятую поста..." Да, "почти все поучение занято аллегорическим истолкованием евангельского

текста"[28], но принципы истолкования и само мастерство писателя доказывают обратное. Т.о. единственным обобщающим элементом, объединяющим Слово № 1 и Слово № 2, является лишь отсутствие прямой, заявленной во вступлении, "привязки" к циклу.

Итак, анализ жанровой специфики трех гомилий древнейшего дидактического ядра древнерусских четьих сборников "Златоуст", считающихся русскими сочинениями, показал следующее:

1. "Слово в неделю о мытаре и фарисее" представляет собой самостоятельное звено в девятичленной группе гомилий. Относится к дидактическому поджанру "поучений" со следующей качественной характеристикой[29]:

– пятичленная композиция;
– амплификационный принцип построения текста;
– смысловая фигура как структурная единица текста.

Анализ художественной специфики, раскрывающий выбор автором изобразительных средств и способы их использования, показывает, что поучение это, оригинальное по происхождению, является значительным памятником славянской гомилетики.

II. Наблюдения над строением и стилем "Слова в неделю о блудном сыне" и "Слова в неделю пятую поста" позволяют подтвердить правомерность вывода о принадлежности этих гомидий перу другого автора и дать им следующую характеристику:

– "вторичная" (зависимая от иных жанровых структур) композиция;
– соблюдение сюжетно-последовательного принципа в построении текста;
– минимальное использование смысловых фигур;
– отсутствие ритмизирующих элементов в тексте.

Эта характеристика позволяет выделить определенные приметы авторского стиля, либо обозначить еще один поджанр в учительном красноречии — "беседу".

Решение этого вопроса на более объемном фактическом материале — тема будущего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 80.

[2] См., напр.: Бегунов Ю.К. Древнерусская ораторская проза как жанр (к постановке вопроса) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 80.

[3] Библиографию см.: Творогов О.В. Кирилл — епископ Туровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 220–221; Климент. Кирило-методиевата традиция в славянския свят. // Кирилометодиевска библиография 1940–1980. София, 1983. С. 186–193.

[4] Однако, по мнению выдающегося структуралиста Ю.М.Лотмана, "уместно будет отметить, что в свете структурного анализа художественная простота раскрывается как нечто, прямо противоположное примитивности",— и далее: "отнюдь не любовь к парадоксам заставляет утверждать, что художественная простота сложнее, чем художественная сложность, ибо возникает как упрощение последней на ее фоне".— Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964. С. 54.

[5] Picchoor. Върху изоколните структури в средневековната славянска проза // Литературна мисъл. XXIV, 1980, № 3. С. 79.

[6] Творогов О.В., Черторицкая Т.В. Златоуст // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 246.

[7] Горский А.В. О древних словах на святую Четыредесятницу // Прибавление к изданию творений святых отцев в русском переводе. 1858. Ч. 17. С. 49–64.

[8] Подробный критический обзор см.: Иванова К. Цикъл постни поучения за неделите на Четыредесетница // Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1977. Т. 2. С. 623–630.

[9] Виноградов В.П. К вопросу о литературных источниках, составе и происхождении древне-славянской группы поучений на Четыредесятницу // Библиографическая летопись. Издание Императорского Общества любителей древней письменности. 1914. Вып. I. С. 97–98.

[10] Иванова К. Указ. соч. С. 628–630; Станчев К., Попов Г. Климент Охридски. София, 1988. С. 63.

[11] Гранстрем Е.Э. Иоанн Златоуст в древней русской и славянской письменности XI–XIV вв. // ТОДРЛ. М; Л., 1980. Т. XXXV. С. 345–376. №№ 26, 73, 85.

[12] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 164.

[13] Там же. С. 39.

[14] В отличие от тирады как композиционной единицы торжественной гомилии,— см.: Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 224.

[15] Не имея возможности остановиться здесь на рассмотрении классификаций фигур и тропов ввиду обширности и неоднозначности этой проблемы, в основу понимания фигуры как единицы текста берем определение Цветана Тодорова: "Фигурой объявляется то, что поддается описанию в качестве фигуры. Фигура есть не что иное, как определенное расположение слов, которое мы можем назвать и описать".— Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. С. 56.

[16] Лука 18, ст. 9–14; Лука 15, ст. 11–32.

[17] Марк 10, ст. 35–45.

[18] Имея в виду другие классификации, прежде всего — болгарских исследователей, считаем в данном случае удобным воспользоваться классификацией Ю.К.Бегунова. См.: Бегунов Ю.К. Ораторская проза Киевской Руси в типологическом сопоставлении с ораторской прозой Болгарии // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 39.

[19] Неделя о мытари и о фарисеи, слово святаго Иоанна Златоустаго, патриарха Цареграда, поучение // Памятники древнерусской церковно-

учительной литературы / Под редакцией профессора А.И.Пономарева (далее — Памятники...). СПб., 1897. Вып. 3. С. 169.

[20] Там же. С. 170.

[21] Виноградов В.П. Указ. соч. С. 86.

[22] Алексеев А.А., Лихачева О.П. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. С. 76.

[23] Некоторые "неясности" текста, также связанные с проблемой происхождения и художественных особенностей сочинения, рассматривались в работе В.П.Виноградова. См.: Виноградов В.П. Указ. соч. С. 89—95.

[24] Неделя о блуднем сыну, поучение святаго Иоанна Златоустаго, сказание евангелия от Луки // Памятники... С. 172.

[25] Толковое Евангелие Феофилакта. Синодальная типография. 1794. Л. 134 (4-го счета).

[26] В неделю 5-ю великого поста, поучение святаго отца нашего Иоанна Златоустаго, сказание от евангельских словес // Памятники... С. 189.

[27] Виноградов В.П. Указ. соч. С. 98—99.

[28] Там же. С. 96.

[29] Сопоставительно-количественные характеристики жанров "слово" и "поучение" приведены в исследовании: Станчев К., Попов Г. Климент Охридски. София, 1988. С. 66.